

Иконников Сергей Анатольевич

ПРОТИВОРЕЧИЯ НАЧАЛ СВЕТСКОГО И КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОЙ ЕПАРХИИ)

В статье рассматриваются вопросы правового положения приходского духовенства Русской Православной Церкви второй половины XIX - начала XX века. Имперское законодательство касалось не только светских вопросов, но и декларировало обязанности и права священно-церковнослужителей. На основе архивных материалов и опубликованных источников делается попытка показать наличие в Своде законов Российской империи противоречий церковного и светского права, приводивших к затруднительным ситуациям в приходской практике православных клириков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 68-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. 239 с.
2. Бергер П. Л., Бергер Б. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. 608 с.
3. Голик Н. Философское завещание Просвещения // Перспектива человека: сб. ст. междисциплинарной науч.-теоретич. конф. СПб.: Ин-т спец. педагогики и психологии, 2014. С. 6-20.
4. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации научных исследований в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 5-10.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
6. Извеков А. Рождение личности постмодерна в кризисе культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 1. С. 92-96.
7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-33.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 214 с.
9. Куренной В. Бастард модерна: о текущем кризисе университета // Неприкосновенный запас. 2011. № 77. С. 185-183.
10. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Архетип. 1997. № 2. С. 61-66.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
12. Марков Ю., Шевякова Л. Антропологические основания образования // Мир философии и мир человека: приложение к журналу «Философские науки». М.: Гуманитарий, 2007. С. 464-480.
13. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 341 с.
14. Огурцов А. Антипедагогика: вызов постмодерна // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 54-68; № 5. С. 39-48.
15. Огурцов А. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. 516 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика: философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
17. Согомонов А. Кризис идентичности постсоветского университета // Неприкосновенный запас. 2007. № 3. С. 116-130.
18. Фромм Э. Бегство от свободы: человек для себя. Мн.: ООО «Поппури», 1998. 672 с.
19. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

FORMATION OF SPHERE OF EXISTENTIAL MEANINGS AS A PROBLEM OF SPIRITUAL FREEDOM

Izvekov Arkadii Igorevich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Institute of Special Pedagogy and Psychology named after R. Wallenberg
Arkady.izvekov@gmail.com

The article analyzes the problem of moral education under the conditions of the spiritual freedom of the personality. The contradiction of freedom and necessity causes a lot of difficulties in educational process. Prospects for their solution are problematic, whether in the present or in the future. But we have enough potential to formulate new ideas of the pedagogics of education. In particular, certain provisions of post-modernism are of interest.

Key words and phrases: spiritual freedom; existential revolution; formation of personality; pedagogics of education; crisis of university; identity.

УДК 271.2-725-475.5(470.324)«19»

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы правового положения приходского духовенства Русской Православной Церкви второй половины XIX – начала XX века. Имперское законодательство касалось не только светских вопросов, но и декларировало обязанности и права священно-церковнослужителей. На основе архивных материалов и опубликованных источников делается попытка показать наличие в Своде законов Российской империи противоречий церковного и светского права, приводивших к затруднительным ситуациям в приходской практике православных клириков.

Ключевые слова и фразы: Православная Церковь; Воронежская епархия; приходское духовенство; каноническое право; Свод законов Российской империи.

Иконников Сергей Анатольевич

Воронежский государственный университет
ikonnikovsergey88@mail.ru

**ПРОТИВОРЕЧИЯ НАЧАЛ СВЕТСКОГО И КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА
 В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
 (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОРОНЕЖСКОЙ ЕПАРХИИ) ©**

Во второй половине XIX – начале XX века Православная Церковь занимала особое место в Российской империи. Жизнь духовенства регламентировалась целым рядом норм и законов. Юридический статус клириков определялся как церковными, так и светскими постановлениями, и не всегда последние гармонично

согласовывались друг с другом. Знаменитый отечественный юрист пореформенной России М. А. Рейснер писал по этому поводу следующее: «Общее разделение права и нравственности, права и религии весьма мало знакомо действующему Своду законов. Усвоенное каждым образованным юристом со школьной скамьи учение о том, что государство достигает своих целей при помощи права и правового принуждения, что право, будучи даже нравственного содержания, не может выходить из пределов внешней, формальной, принудительной нормы, что, наконец, право по самому своему существу не может предписываться ни добродетели, ни религиозным истинам – все эти школьные положения встречают полное противоречие во многих частях действующего закона, унаследованного нами еще от времени идей XVIII века» [4, с. 9]. С мнением выдающегося правоведа сложно не согласиться. В светском законодательстве Российской империи действительно присутствовали положения, регулирующие не только юридическую, но и религиозную сферу деятельности, что не всегда шло на пользу православному духовенству.

Так, например, воронежские клирики выражали недоумение присутствием в Своде законов Российской империи (далее – СЗРИ) 431 статьи IX т., налагавшей ограничения священно-церковнослужителям на занятие торговлей и некоторыми иными финансовыми операциями [8, с. 51]. Очевидно, что в основание этой статьи легло 17 правило Первого Вселенского Собора, которое гласит: «Взимающий рост с данного взаем, или иной оборот дающий сему делу, или половинного роста требующий, или нечто иное вымышляющий ради постыдной корысти, таковой да будет извергаем из клира и чужд духовного сословия» [3, с. 229]. Данное правило неоднократно повторялось и в постановлениях других соборов. Вошло оно и в СЗРИ в виде 431 статьи. В середине XIX века среди духовенства стали высказываться недовольства данным правилом. С точки зрения архиепископа Воронежского Иосифа (Богословского), 431 статья не могла быть не признана стеснительной, так как само правительство давало духовенству землю в количестве 33 десятин на штат [7, д. 58, л. 17]. По мысли архиерея, если власть предоставляла землю священно-церковнослужителям, то это само собой подразумевало возможность заниматься торговлей, например, продавать сельскохозяйственную продукцию и т.п. А если так, то почему же в СЗРИ находилось правило, запрещающее это делать? Налицо было явное противоречие между положениями Свода законов.

Значимым и вместе с тем так и не решенным до конца вопросом было правовое разграничение обязанностей старост и настоятелей приходских церквей. Между священнослужителями и церковными старостами иногда возникали конфликты, связанные с попытками последних взять управление приходом под свой единоличный контроль. Большинство старост, по отзывам благочинных, добросовестно исполняли свои обязанности, однако, как отмечалось в епархиальном отчете за 1906 г., «между ними также были и такие, которые не подчинялись требованиям означенной инструкции (*имеется в виду инструкция церковным старостам 1890 г. издания – С. И.*), считали себя единоличными неограниченными распределителями и хозяевами церковного имущества и позволяли распоряжаться оным в ущерб интересам церкви» [6, д. 2139, л. 9]. Особенно ярко данная проблема проявилась в годы Первой русской революции, когда деятельность некоторых старост окончательно вышла из-под контроля духовных властей. Так, в 1905 г. в ряде церквей сел Турово Нижнедевицкого уезда, Хреновое и Рождественская Хава Воронежского уезда, Хлевное и Пады Задонского уезда, Ливенка Бирюченского уезда, Филиппенково Бобровского уезда, Сереково и Меловое Богучарского уезда старосты отказались предоставлять установленные взносы на духовно-учебные заведения и прочие епархиальные потребности. Вместо этого собранные с приходов средства они использовали на финансирование местных эсеровских крестьянских братств и союзов. После того, как священноначалие издало распоряжения об увольнении их с должности, жители обозначенных селений отказались избирать на вакантные места новых кандидатов [Там же, л. 17]. Иногда подобные ситуации удавалось разрешать с помощью разъяснительных бесед, а иногда и путем «временного закрытия храма для богослужений с перемещением членов клира в другие приходы» [Там же, л. 9 об.].

Недостаточно четкое правовое разграничение обязанностей старост и пересекающихся с ними компетенций настоятелей порой приводило к злоупотреблениям. Священник Илья Соколов в жалобе архиерею описывал ситуацию, как церковный староста его храма Сафонов однажды попытался обосновать растрату церковных средств покупкой якобы дорогих швейцарских часов фирмы *Hu Moser & Cie*. Когда священник увидел висевшие на стене причтового дома часы, то без труда определил, что хронометр был явно отечественного производства, тем более что на циферблате крупными буквами виднелась надпись «Братья Четуновы. Москва». Клирик сетовал: «Часы сильно подержаны. Раньше они долго висели в доме Сафонова. Оценивать их трудно. Они идут дня два, а на третий останавливаются. Чинили. Не помогает» [2, д. 1942, л. 27 об.]. Архиерей Анастасий (Добрадин) выступал за пересмотр полномочий церковных старост. Поместный собор, по его мнению, должен был внести в Инструкцию церковным старостам соответствующие изменения.

Противоречия светского и духовного права, содержащиеся в СЗРИ, наглядно проявлялись и в вопросе избрания старост бесприходных церквей (например, кладбищенских). По закону старосты таких храмов должны были избираться городскими Думами. Кандидатуры, выдвигаемые Думой, не всегда удовлетворяли интересам духовных консисторий. В Воронежской епархии был случай, когда борьба за кандидата на должность старосты переросла в скандал между городской Думой и консисторией. По определению епархиального начальства от 23 сентября 1886 г. церковному старосту Митрофановской кладбищенской церкви города Бирюч Петра Петровича Крикловского уволили в связи с истечением срока его служебных полномочий. Благочинный, протоиерей Алексеевский, составил список кандидатов (на основании предложений духовенства кладбищенской церкви). Однако городская Дума отказалась проводить выборы старосты, заявив,

что они будут проведены только после того, как консистория уберет с должности настоятеля кладбищенской церкви священника Владимира Прозорского, неугодного Думе. Духовная консистория решила пойти на своего рода компромисс, предложив городской управе провести совместные выборы старосты из вновь составленного списка. Никакой положительной реакции со стороны светской власти не последовало. В 1887 г. Дума односторонне в качестве ктитора (то есть старосты) выбрала неизвестного духовенству отставного подпоручика Ивана Бажанова, «который между тем в списке кандидатов не значился» [1, д. 252, л. 12 об.]. Началась длительная трехлетняя перепалка между духовной консисторией и Бирюченской городской управой, вылившаяся в спор о том, кого и как следовало назначать на должность церковных старост в бесприходные церкви. Спор удалось разрешить только после обращения в Воронежское губернское по городским делам присутствие, которое в конечном счете приняло сторону Думы [Там же, л. 14 об.]. Нелепость ситуации заключалась в том, что старосту церкви выбирали без учета интересов самой церкви, однако при этом подобное положение вещей было признано вполне законным.

Церковное и светское начала в законодательстве пересекались и в вопросе духовного суда. Последний регламентировался как церковными, так и светскими положениями. Например, священнослужитель, намеревавшийся сложить с себя сан и выйти из духовного сословия, должен был знать, что подобное решение могло повлечь за собой ряд значительных последствий не только внутри Церкви, но и в светском обществе: трудности в перемещении, трудоустройстве и т.д. [8, с. 50]. После того как желавший снять с себя сан объявлял об этом священноначалию, к нему прикреплялся отец-увещеватель, то есть священник, который в течение трех месяцев должен был испытывать, действительно ли намерение клирика вызвано серьезными духовными причинами или же являлось плодом необдуманной бравады. Если в течение трех месяцев оказывалось, что намерение духовного лица непоколебимо, то дело с разрешения архиерея отправлялось на рассмотрение в Синод. Именно так в 1906 г. поступил тридцатипятилетний священник Троицкой церкви села Краснополье Богучарского уезда Петр Федоров, решивший уйти из духовного ведомства и поступить на юридический факультет Харьковского императорского университета. Так как за время несения церковного послушания никаких нареканий клирик не имел, ему предоставили право поступления на государственную должность ранее установленного законом десятилетнего срока со дня сложения сана [5, д. 1184, л. 3 об.].

Конечно, было бы совершенно несправедливо утверждать, что светское законодательство имело лишь одни недостатки, затруднявшие нормальную деятельность приходских священников. Нередко в спорных юридических вопросах власть занимала сторону духовенства. Так произошло в споре между воронежскими купцами и настоятелями храмов по поводу прав на торговлю парафиновыми свечами. Купцы-торговцы парафиновыми свечами создавали значительную конкуренцию епархиальному свечному заводу, производившему свою продукцию из чистого воска. Духовенство нередко обращалось с просьбами о запрете продажи парафиновых свечей для богослужебного пользования по причине убытков епархиальному свечному заводу и нанесения очевидного вреда здоровью молящихся. Городские Думы, в компетенции которых находился данный вопрос, старались принимать сторону священнослужителей. 15 февраля 1888 г. Богучарская управа запретила «как местным, так ровно и со стороны являющимся торговцам производить в лавках, домах и на площадях города Богучара продажу парафиновых и с примесью других веществ свечей церковной формы, кроме приготовленных из чистого пчелиного воска, а также возжигать их пред святыми иконами и в других местах внутри церквей» [1, д. 195, л. 12]. Подобные решения были приняты также Бирюченской, Бобровской, Задонской, Коротоякской и Острогужской городскими Думами [Там же, д. 108, л. 45]. Купцы, недовольные подобным ходом дела, подали жалобу в Сенат. Но Сенат был непреклонен: «Обязательные для городских жителей постановления, которые изданы городской Думой с соблюдением законности, не могут подлежать обжалованию со стороны частных лиц, вследствие чего жалобы купцов не подлежат рассмотрению» [Там же, л. 50].

Таким образом, в рассматриваемое время СЗРИ содержал в себе положения, регламентирующие не только светские сферы жизни государства, но и церковное устройство. Государственное законодательство включало элементы канонического права древней Церкви, что не всегда шло на пользу священно-церковнослужителям. Последние в своей повседневной практике сталкивались с противоречиями светского и канонического начал Свода законов. Многие воронежские клирики высказывались за пересмотр целого ряда средневековых правовых положений, исторически включенных в светское законодательство Российской империи.

Список литературы

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-21. Оп. 1.
2. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1.
3. Милаш Никодим, епископ. Правила Святой Православной Церкви с толкованиями. М.: Отчий дом, 2001. Ч. 1. 656 с.
4. Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону (юридико-догматические очерки) // Вестник права. 1900. № 3. С. 1-18.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 187.
6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442.
7. РГИА. Ф. 804. Оп. 1.
8. Свод законов Российской империи. СПб.: Государственная типография, 1899. Т. IX. Ч. 1. Законы о состояниях. 412 с.

**ANTAGONISMS OF PRINCIPLES OF SECULAR AND CANON LAW
IN THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF VORONEZH EPARCHY)**

Ikonnikov Sergei Anatol'evich
Voronezh State University
ikonnikovsergey88@mail.ru

The article touches on the issues of the legal status of the parochial clergy of the Russian Orthodox Church of the second half of the XIX – the beginning of the XX century. Imperial legislation involved not only secular issues; it also declared the rights and duties of the clergymen and churchmen. On the basis of archival materials and published sources the author tries to identify the contradictions of church and secular law in the Code of Laws of the Russian Empire, which caused difficulties in the parochial practice of the Orthodox clergymen.

Key words and phrases: Orthodox Church; Voronezh eparchy; parochial clergymen; canon law; Code of Laws of the Russian Empire.

УДК 34; 342.761

Юридические науки

В статье освещаются подходы к правовому регулированию ограничений права на выражение религиозных убеждений посредством религиозных символов в зарубежных странах и Российской Федерации. Автором проанализированы основания и пределы допустимости данного вида ограничений во Франции, Великобритании и России. Основой правовой регламентации указанных ограничений является баланс между правом на выражение религиозных воззрений и иными ценностями общества и государства.

Ключевые слова и фразы: ограничение конституционных прав человека; законодательство зарубежных стран; свобода вероисповедания; ограничения права на выражение религиозных взглядов; религиозная символика.

Казимирская Юлия Викторовна

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
yulia1983@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ДЕМОНСТРАЦИЮ
РЕЛИГИОЗНЫХ УБЕЖДЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)[©]**

Несмотря на различные истоки отношений государства и Церкви в разных странах, вызовы современности ставят перед всеми государствами схожие вопросы, требующие разрешения. Покажем это на примере правового регулирования ограничений права на выражение религиозных взглядов путем демонстрации религиозной символики во Франции, Великобритании и России. Необходимость такого регулирования обусловлена, прежде всего, многоконфессиональным составом населения рассматриваемых стран.

Франция положила начало нормативному закреплению принципов светскости. Вместе с тем, согласно ст. 10 Декларации прав человека и гражданина 1789 года выражение религиозных мнений не должно нарушать публичный порядок, установленный законом [2, с. 200].

Одним из проблемных вопросов последних лет стала манифестация религиозной принадлежности посредством соответствующей символики в основном адептами ислама. Правовая регламентация в данной области претерпела значительные изменения.

Так, вопрос о совместимости ношения религиозных символов, а именно мусульманского платка, в учебных заведениях с принципом светскости не раз становился предметом рассмотрения Государственного Совета Франции, который в каждом случае принимал во внимание конкретные обстоятельства: выходит ли за пределы правомерного осуществления свободы религии ношение мусульманского платка, приводит ли это к нарушению общественного порядка.

При разрешении подобных дел Государственный Совет вставал на защиту учениц, отчисленных из учебного заведения за ношение хиджаба (платка, покрывающего голову и оставляющего открытым овал лица). Суд признал, что ношение религиозных символов учениками является свободой выражения вероисповедания, не противоречащей принципу светскости, но при условии, что такая свобода не должна нарушать права учеников и членов педагогического коллектива, нарушать образовательный процесс, общественный порядок и нормальное функционирование заведения [7, с. 51].